

УДК 821.161.1 – 132

А.Г. Шевченко

ЛИРИКА МОСКОВСКОГО ПЕРИОДА В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕТВОРЧЕСКОГО ПРОЕКТА ЭДУАРДА БАГРИЦКОГО

Стихотворения и поэмы, созданные Эдуардом Багрицким во время московского периода его творчества, безусловно, воплотили проблемы, возникшие после резкого революционного слома мира, и поиски новой гармонии. Э. Багрицкий принимал активное участие в строительстве «нового» мира и формировании «нового» человека, что, несомненно, нашло отражение в его творчестве. Ход социального переустройства, свидетелем которого поэт стал, существенно повлиял на тематику его произведений, внес коррективы в его поведенческую стратегию, отразил кризис его мировоззрения.

В нашей статье мы отходим от традиционного осмысления лирики поэта наряду с молодой «комсомольской» поэзией 1920-х гг. и рассматриваем ее в контексте жизнетворческого проекта Э. Багрицкого. Такой подход дает возможность пересмотреть устоявшиеся и порой ошибочные представления о роли и месте поэзии Эдуарда Багрицкого в литературе 1920-х – 1930-х гг. Под жизнетворчеством в этом случае мы понимаем, вслед за Е.А. Бычковой, «сознательное структурирование своего жизненного пути, реализация в своей биографии некоего выбранного канона, личной легенды конкретного человека» [7].

Многие наблюдения исследователей подтверждают плодотворность рассмотрения лирики Э. Багрицкого в контексте жизнетворчества поэта. Проблема жизнетворчества в отечественной и зарубежной науке ставится и решается, как правило, на материале литературы немецкого романтизма, западноевропейского декадентства и русского символизма. Большое количество работ, посвященных этой проблеме, позволяет говорить об основательной изученности этого феномена (Н. Богомолов, О. Вайнштейн, З. Минц, Е. Обатнина и др.) [4, 8, 26, 27].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в стихотворениях Багрицкого московского периода отразилась тематика и художественные поиски, которые осуществлялись в молодой советской поэзии, однако история изучения творчества поэта свидетельствует о том, что внимание исследователей было сосредоточено, в основном, на его лиро-эпическом наследии. В результате этого его творчество получило тенденциозное и противоречивое освещение в советском и постсоветском литературоведении.

Цель нашей работы – охарактеризовать лирику Эдуарда Багрицкого в контексте его жизнетворческого проекта в московский период его творчества.

Для достижения этой цели мы выделили следующие задачи:

- установить степень изученности проблемы в литературоведении;
- осмыслить теоретико-методологические подходы к изучению жизнетворчества;
- выявить особенности лирики Багрицкого московского периода и ее связь с особенностями социокультурной ситуации;
- проанализировать основные темы, мотивы и образы наиболее значимых стихотворений Э. Багрицкого, созданных в московский период его творчества.

В нашей работе мы используем описательно-аналитический, биографический и функциональный методы.

Объектом нашего исследования является лирика Э. Багрицкого.

Предмет исследования – лирика московского периода в контексте жизнетворческого проекта Эдуарда Багрицкого.

Материалом исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей по истории и теории жизнетворчества конца XIX в. – начала XX вв. (Н. Богомолова [4], Е. Бычковой [7], О. Вайнштейн [8], Д. Иоффе [16], А. Колесниковой [19], А. Кулагиной [21], З. Минц [26], Е. Обатниной [27], И. Янишевской [33]), а также исследования, посвященные поэзии и творчеству Э. Багрицкого (В. Азарова [1], И. Беспалова [3], К. Бугаевой [5–6], И. Волгина [9], И. Гринберг [10–14], М. Загребельного [15], С. Коваленко

[17–18], Н. Кякшто [22], Е. Любаревой [23–25], А. Прохорова [28], И. Рождественской [29], М. Спивак [30], С. Стратановского [31], А. Якобсона [32]).

Практическая значимость данной статьи заключается в том, что результаты проведенного нами исследования могут быть использованы при изучении истории русской литературы конца первой трети XX в. в высшей школе, в дисциплинах по выбору, посвященных творчеству Э. Багрицкого, при подготовке магистерских работ, в дальнейшем изучении творчества Э. Багрицкого.

Научная новизна статьи состоит в том, что лирика Э. Багрицкого рассматривается и переосмысливается в тесной связи с житнетворчеством поэта. Обобщая современные представления о сущности и особенностях житнетворчества, мы реконструируем основные аспекты житнестроительного проекта Э. Багрицкого.

В московский период жизни игровой характер поведения поэта претерпевает изменения вследствие столкновения с меняющейся социокультурной ситуацией. Если исходить из принятого нами понимания феномена житнетворчества, его элементами являются сознательный подход поэта к выбору поведенческой стратегии и ориентация на некий канон, подсказывающий пути пусть и не сознательного, но формирования собственной «легенды».

Первым опубликованным после переезда в Москву было очень значимое, можно сказать программное стихотворение Багрицкого – «Стихи о поэте и романтике». Однако прежде чем перейти к нему, необходимо обратиться к другому стихотворению, содержащему некий подступ, раннюю стадию размышлений, которые впоследствии обрели окончательную форму, – «К огню вселенскому».

Чтобы правильно понять смысл определения «романтический», дважды фигурирующего в этом стихотворении, необходимо исходить из того очевидного факта, что все оно от первого до последнего слова написано иронически, и мысль поэта не только не соответствует буквальному смыслу, но зримо ему противоречит. Вслушаемся в любой фрагмент стихотворения, хотя бы такой:

О театральные химеры!
Необычаен трудный вольт:
Пышноголового Мольера
Сменяет нынче Мейерхольд.
Он ищет новые дороги,
Его движения грубы...
Дрожи, театр старья, в тревоге:
Тебя он вскинет на дыбы [2, с. 310].
И вот две интересующие нас строфы:
Всё было скучно и знакомо,
Как примелькавшиеся сны,
От гула жестяного грома
До романтической луны [2, с. 309].

Луна появилась здесь, несомненно, потому, что на протяжении многих лет была самым распространенным и избитым романтическим штампом, которые высмеивали все: от Кюхельбекера до Маяковского. И вот второе упоминание:

Театр уже скончался старый
Под рокот лир и трубный гром.
Пора романтиков гитару
Фабричным заменить гудком.

В обоих случаях, при очевидных различиях, «романтик», «романтический» для Багрицкого – нечто устаревшее, примелькавшееся, надоевшее, словом, **не свое**. В «Стихах о поэте и романтике» все гораздо сложнее. Это и неудивительно. Ведь «К огню вселенскому» – иронический лирический набросок, а «Стихи о поэте и романтике», без всяких преувеличений могут быть названы творческим манифестом, который поэт и после первой публикации продолжал вынашивать и лишь в 1929 г. создал окончательную редакцию.

Хотя в заглавии слово «романтика» стоит в единственном числе, в тексте присутствуют несколько обликов разных «романтик», все

время меняющихся и внешне, и внутренне. Прежде чем обратиться к романтике как лирическому персонажу стихотворения, поэт бросает взгляд в собственную душу и собственное творчество, напоминает о том, что многими темами многих стихотворений он был подготовлен к тому, чтобы стать певцом романтики:

Романтика! Мне ли тебя не воспеть,
Откинутый плащ и сверканье кинжала,
Степные походы и трубная медь...
Романтика! Я подружился с тобой,
Когда с пожелтевших страниц Вальтера Скотта
Ты мимо окна пролетала совой,
Ты вызвала криком меня за ворота! [2, с. 348].

Упоминание здесь Вальтера Скотта очень значимо. Проникновение европейского романтизма в русскую литературу связано, прежде всего, с двумя именами – Байрона и Вальтера Скотта. Первый воздействовал главным образом своими поэмами и вызвал появление целого потока поэм, которые историки литературы так и называют байроническими, а Вальтер Скотт, которого Пушкин назвал «шотландским чародеем», содействовал взлету жанра исторического романа. Было бы, однако, большим заблуждением думать, что влияние каждого распространялось в пределах одного рода литературы. Оба они создали романтический мир, проникавший в общественную психологию современников, а уже через нее на страницы романов и поэм. Значима и «сова», с которой ассоциировались зловещие предзнаменования: вспомним хотя бы «плач совы» в «Полтаве» Пушкина.

Но когда герой стихотворения выходит на крик совы, то он видит не то, чего ожидал, и это вызывает у него удивленное восклицание: «Романтика! Здесь?! Неужели она? / Совой была ты и женщиной стала». И в миг исчезает таинственность, условность, все, что было привнесено в романтическую литературу устойчивыми традициями, повествование насыщается прозаическими бытовыми элементами:

закуска, выпивка, «пальцы худые». Но став женщиной, романтика не стала, как можно было ожидать, предметом любви и каких-либо романтических чувств, которые отвергаются с определенным элементом презрительности: «... я не пришел / С тобой целоваться под сизой сиренью...» [2, с. 348].

Романтика возвратилась в эту страну, потому что «дорог на земле для романтики мало», а с этой землей ее связывает святое: «Здесь Пушкина в сад я водила гулять, / Над Блоком я пела и зыбку качала». Но застаёт она здесь не то, чего ждала: время революционных потрясений, «взорванный семнадцатый год». И далее идет текст, на анализе которого необходимо специально остановиться. В изданиях Багрицкого он печатается так:

И два человека над временем встали...
И первый – храня опереточный пыл,
Вопил и мотал головою ежастой;
Другой, будто глыба, над веком застыл,
Зырянин лицом и с глазами фантаста... [2, с. 348].

Казалось бы, идентификация этих лиц не вызывает сомнений: Керенский и Ленин. Однако известно, что в первом варианте стихотворения, который остался неопубликованным, вместо этих строк были другие:

И первый из них был упрям и хитер,
Бочком пробирался, стыдясь и робея,
Другой, волосатый – провизор и черт,
Широкий в плечах и с лицом иудея.

Здесь в первом легко угадывается Ленин. Вспомним, что именно таким изображает его и Маяковский: «Бочком вошел незаметный Ленин». А второй – вне всяких сомнений, Троцкий. С. Стратановский, по статье которого нами цитируется первая редакция стихотворения [2, с. 199], сопровождает его напоминанием о том, что после

переезда в Москву Багрицкого представили Троцкому, «который был одним из его кумиров <...> Багрицкий искренне восхищался Троцким как сильной личностью, находящейся “по ту сторону добра и зла”, да и идея “перманентной революции” была, вероятно, ему близка» [2, с. 199].

В период революции и гражданской войны имена Ленина и Троцкого постоянно стояли рядом (вспомним хотя бы знаменитую книгу Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир» или распространённую в годы гражданской войны песню «Не за Троцкого я, не за Ленина, / За донского казака, за Каледина»). Но ко времени публикации «Стихов о поэте и романтике» положение Троцкого серьёзно пошатнулось, он был смещен с поста военкора, вместе с Зиновьевым возглавил т.н. «новую оппозицию», и Багрицкий оказался вынужден внести изменения в свои стихи по цензурным соображениям. Самым сильным доводом в пользу данной гипотезы являются, на наш взгляд, следующие строки:

На площади гомон, гармоника, дым —
И двое встают над голодным народом.
За кем ты пойдешь? Я пошла за вторым —
Романтика ближе к боям и походам...

В противопоставление Ленина Керенскому это никак не укладывалось, зато полностью соответствовало образу Троцкого, который на протяжении военных лет непрерывно перемещался в своем поезде с одного фронта на другой («Фронты за фронтами. / Ни лечь, ни присесть!»), и в этом поезде он выпускал газету, которая так и называлась: «В пути».

Есть в стихотворении еще одно место, в котором налицо искажение текста под влиянием автоцензуры. Речь идет о трагической судьбе Гумилева, который еще с юности был для Багрицкого предметом восхищения и подражания. При советской власти достоверным считался такой текст:

Депеша из Питера: страшная весть
О черном предательстве Гумилева...
Я мчалась в телеге, проселками шла;
И хоть преступленья его не простила, –
К последней стене я певца подвела,
Последним крестом его перекрестила... [2, с. 349].

При первом же его рассмотрении уже он дает основания для подозрений в странных противоречиях и неувязках. Если Гумилев в самом деле предатель и преступник, не заслуживающий прощения, то почему для его характеристики избрано несколько устаревшее, но возвышенное определение «певец», традиционно использовавшееся, когда речь шла о поэтах, вызывающих преклонение и восхищение. И что побуждало Романтику преодолевать трудности и преграды ради того, чтобы перед казнью осенить его крестным знамением?

Все эти недоумения отпадают, когда мы читаем то, что написал (но не напечатал!) Багрицкий и что сохранила его рукопись:

Депеша из Питера: страшная весть
О том, что должны расстрелять Гумилева.
Я мчалась в телеге, проселками шла,
Последним рублем сторожей подкупила.
К смертельной стене я певца подвела,
Смертельным крестом его перекрестила [2, с. 349].

К.М. Бугаева, цитирующая вышеприведенный текст по архиву Багрицкого, пытается так объяснить его отличия от того, который позднее появился в печати: «Если в первых вариантах в Багрицком говорит только поэт, который приходит в ужас от того, что будет уничтожен талантливый собрат по перу, хотя и из другого лагеря, то в каноническом тексте в нем заговорил и гражданин, романтика его приобретает некоторые черты гражданственности. Но все-таки и в каноническом тексте поэт побеждает гражданина...» [6, с. 74-75]. Тщетные увертки! Не поэт побеждает гражданина, а цензор

побеждает поэта, и его подлинная мысль оказывается не в состоянии пробиться в печать.

Романтика, близкая «к боям и походам» – это ее следующее, уже четвертое преобразование: «Романтика в партии! Сбоку наган, / Каракуль на шапке зернистой икрою...». Но своего места она не находит и здесь:

И товарный вагон
Штает меня по России убогой...
Тут новое дело – из партии вон:
Интеллигентка и верует в бога [2, с. 349].

Ее окружает уже не просто будничная, но суровая до жестокости обстановка военного времени: бездомная голь везет менять муку и лиманскую соль на ночную посуду и пестрые ситцы. Романтике в таком окружении, разумеется, неуютно: она «в угол забила, как заяц». И новый, совершенно неожиданный поворот:

Приехали! Вился по улицам снег.
И вот сквозь метелицу, злой и понурый,
Ко мне подошел молодой человек:
«Романтика, вы мне нужны для халтуры!
Для новых стихов не хватило огня,
Над рифмой корпеть не хватает терпенья;
На тридцать копеек вдохните в меня
Гражданского мужества и вдохновенья...».

В статье Багрицкого «Как я работал в 1920 году» он цитирует слова, сказанные Сен-Жюстом в Конvente: «Надо карать не только преступников и предателей, но и равнодушных. Равнодушие – это один из самых страшных ущербов, наносимых республике». И далее так интерпретирует эту мысль: «За формальным совершенством таких стихов, за виртуозной композицией и головоломным словарем стоит самый страшный враг прогрессивного, гуманного

искусства – равнодушие. По-моему, это происходит оттого, что за всеми этими вывертами не чувствуется живой, сегодняшний, близкий человек. Это равнодушие одного рода. Но есть равнодушие другого типа – это равнодушие некоторых поэтов-лефовцев. Их творчество мистифицирует читателя внешней злободневностью и политической актуальностью. Что же получается, если присмотреться к этим стихам? Живая жизнь подменяется готовыми, заранее данными формулами...» [20, с. 227-228].

На первый взгляд может показаться, что речь здесь о другом. Нигде ведь не сказано, что этот «молодой человек» – лефовец. Мы ничего не знаем о его пристрастии к словесным вывертам, к готовности мистифицировать читателя внешней злободневностью и политической актуальностью. Но на самом деле за его желанием избежать того, чтобы самому корпеть над рифмой, и прикупить (да еще за 30 копеек!) гражданского мужества и вдохновенья стоит именно равнодушие и согласие подменять живую жизнь заранее данными формулами.

Этот «молодой человек» играет в идейно-образной структуре стихотворения двойную роль. Во-первых, он служит обличению тех, кому истинная романтика чужда, кто стремится лишь эксплуатировать ее популярность и компенсировать отсутствие у них важнейших для поэта качеств: гражданского мужества и вдохновенья. Показательная деталь: в отличие от поэта, лирического героя стихотворения, он с романтикой на «вы». Во-вторых, демонстрируется отличие тех побудительных причин, по которым он обращается к романтике, от тех, по которым это делает поэт. Естественно, он романтикой отвергнут – она приходит к поэту. Приходит в «пустынную пору», когда все традиционные атрибуты романтики пришли в негодность: «знамена в чехлах, и заржавлены трубы». И сама она «стара», у нее «старушечья голова», «морщины у глаз и расшатаны зубы». Не поэт нуждается в ней, а она в нем. Она ему говорит:

... я бездомная тень,
Бездомные песни в ночи запеваю,

К тебе я пришла сквозь туман и сирень.
Такой принимаешь меня? – Принимаю! [2, с. 349-350].

И принимает он ее в сознании убежденности в своей силе, в способности ее поддержать. А источник его силы не в чем ином, как в приверженности именно к романтике, ее атрибуты составляют его опору:

За мною полками стоят соловьи,
Ты видишь – июльские ночи за мною! [2, с. 350].

Таким образом, «Стихи о поэте и романтике» при несомненной сложности и неоднозначности их содержания завершались все же на оптимистической ноте.

Проведенный нами анализ дает возможность сделать вывод о том, что переезд «поэта-бродяги» и «птицелова» в столицу не привел к переменам в его быте и поведенческой стратегии, однако обернулся для Э. Багрицкого эмоциональным напряжением и столкновением с новыми реалиями послереволюционной действительности. Верность поэта утопическим идеалам выражена в стихотворении «К огню вселенскому» и в «Стихах о поэте и романтике», где обнажается противоречие между идеальным и реальным. Предположение о том, что поэт, защищавший идеалы революции с оружием в руках, не до конца представлял себе цену победы, подтверждают «Стихи о соловье и поэте», в которых выражено ощущение тотальной несвободы.

Литература

1. Азаров В.Б. Багрицкий и современность. Новый мир. 1948. № 7. С. 201—214.
2. Багрицкий Э.Г. Стихотворения и поэмы. Москва: Советский писатель, 1964. 571 с.
3. Беспалов И.М. Статьи о литературе. Москва: Гослитиздат, 1959. 207 с.
4. Богомолов Н.А. «Мы два грозой зажженные стволы...». Антимир русской литературы: язык фольклор, литература. Москва: Ладомир, 1996. 409 с.

5. Бугаева К.М. «Не погибла молодость...». Радуга. 1965. № 11. С. 131—134.
6. Бугаева К.М. К вопросу об эволюции романтизма Э. Багрицкого. Вопросы русской литературы. 1966. Вып. 2. С. 73—78.
7. Бычкова Е.А. Жизнетворчество как феномен культуры декаданса на рубеже XIX-XX веков: дис. на соиск. ученой степ. канд. культурологии: спец. 24.00.01 «Теория и история культуры». Москва, 2001. 141 с.
8. Вайнштейн О. Жизнетворчество в культуре европейского романтизма. Вестник РГГУ. Москва: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. Выпуск 2. С. 161—186.
9. Волгин И. Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы. Москва: Правда, 1987. 448 с.
10. Гринберг И. Дороги романтики. Багрицкий Э.Г. Стихи и поэмы. Москва: Художественная литература, 1964. 380 с.
11. Гринберг И. Лирическая поэзия. Москва: Советский писатель, 1955. 228 с.
12. Гринберг И. Поэзия Эдуарда Багрицкого. Борьба за стиль. Ленинград: Гос. изд-во худож. лит-ры, Ленинградское отд-ние, 1934. 732 с.
13. Гринберг И. Эдуард Багрицкий: Творческий путь поэта. Ленинград: Художественная литература, 1940. 164 с.
14. Гринберг И. Эдуард Багрицкий. Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная литература, 1956. 336 с.
15. Загребельный М.П. Эдуард Багрицкий. Харьков: Фолио, 2012. 110 с.
16. Иоффе Д. Жизнетворчество русского модернизма *sub specie semioticae*. Историографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы жизнь-текст. Критика и семиотика. Москва: Аграф, 2005. Выпуск 8. С. 126—179.
17. Коваленко С.А. Эдуард Багрицкий. Из молодых поэтов-романтиков. История русской советской литературы. Москва: Наука, 1967. Т. 1. С. 550—572.
18. Коваленко С.А. Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы. Москва: Московский рабочий, 1984. 303 с.
19. Колесникова А.В. Жизнетворчество как способ бытия интеллигенции: дис. на соискание ученой степ. кандидата философских наук: спец. 09.00.01 «Философские науки». Новосибирск, 2003. 181 с.
20. Крейндлиня И., Динерштейн Е. Багрицкий о себе. Москва: Художественная литература, 1959. 304 с.

21. Кулагина А.А. Жизнетворческая концепция и принципы создания образа в лирике и драматургии Н.С. Гумилева: дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература». Москва, 2012. 175 с.
22. Кякшто Н.Н. Писатель XX века: Багрицкий. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь. Москва: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 1. С. 147—151.
23. Любарева Е.П. Так ли надо толковать Багрицкого? Вопросы литературы. 1960. № 9. С.67—70.
24. Любарева Е.П. Эдуард Багрицкий. Знамя. 1964. № 9. С. 249—250.
25. Любарева Е.П. Эдуард Багрицкий. Вопросы литературы. 1965. № 9. С. 207—209.
26. Минц З.Г., Лотман Ю.М. Статьи о русской и советской поэзии. Таллинн: Ээсти Раамат, 1989. 160 с.
27. Обатнина Е.А. А.М. Ремизов: жинетворчество *entre chien et loup*. Пограничное сознание: альманах. СПб: Канун, 1999. Выпуск 5. С. 397—424.
28. Прохоров А.И. Багрицкий в последний период творчества (1928-1934). Ученые записки Пятигорского гос. пед. ин-та. 1956. Т. 11. С. 181—220.
29. Рождественская И.С. Поэзия Эдуарда Багрицкого. Ленинград: Художественная литература, 1967. 310 с.
30. Спивак М. Посмертная диагностика гениальности: Э. Багрицкий, А. Белый, В. Маяковский в коллекции института мозга (материалы из архива Г.И. Полякова). Москва: Аграф, 2001. 493 с.
31. Стратановский С. Возвращаясь к Багрицкому. Звезда. 2007. № 2. С. 191—208.
32. Якобсон А. О романтической идеологии. Новый мир. 1989. № 4. С. 231—243.
33. Янишевская И.В. Опыт жинетворчества Зинаиды Гиппиус: к вопросу о мифологизации образа. Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Выпуск 4. Т. 15. С. 300—303.

Анотація

А.Г. Шевченко. Лірика московського періоду в контексті життєтворчого проекту Едуарда Багрицького

Мета нашої роботи – охарактеризувати лірику Едуарда Багрицького в контексті його життєтворчого проекту в московський період його творчості.

Матеріалом дослідження слугували роботи вітчизняних і зарубіжних дослідників з історії і теорії життєтворчості кінця XIX ст.–початку XX ст. (Н. Богомолова, Е. Бичкової, О. Вайнштейн, Д. Йоффе, А. Колесникової, А. Кулагіної, З. Мінц, Е. Обатниної, И. Янишевської), а також дослідження, присвячені поезії і творчості Е. Багрицького (В. Азарова, И. Беспалова, К. Бугасвої, И. Волгіна, И. Грінберга, М. Загребельного, С. Коваленко, Н. Кяшто, Е. Любареввої, А. Прохорова, И. Рождественської, М. Співак, С. Стратановського, А. Якобсона).

Відійшовши від традиційного осмислення лірики Багрицького і розглянувши її в контексті життєтворчого проекту поета, ми отримали можливість передивитись закоренілі і часом помилкові уявлення про роль і місце поезії Е. Багрицького в літературі.

В статті аналізується один з найважливіших творів Едуарда Багрицького «Вірші про поета та романтику», якому належить особливе місце в творчості московського періоду поета. Вивчення даного вірша є необхідним для правильного розуміння світогляду поета після переїзду до Москви. В цьому вірші Едуард Багрицький зображує перевтілення романтики наряду з суспільними змінами, які відбувалися під час московського періоду його творчості. Поет в котре підтверджує свою вірність романтиці і готовність служити їй на користь народу.

Переїзд поета до столиці не привів до змін в його побут і поведінковій стратегії, але приніс емоційну напругу і зіткнення з новими реаліями після-революційної дійсності. Багрицький залишається вірний утопічним ідеалам, розкриває протиріччя між ідеальним і реальним.

Ключові слова: лірика, контекст, життєтворчий проект, поезія, романтика, поведінкова стратегія.

Аннотация

А.Г. Шевченко. Лирика московского периода в контексте жизнетворческого проекта Эдуарда Багрицкого

Цель нашей работы – охарактеризовать лирику Эдуарда Багрицкого в контексте его житнетворческого проекта в московский период его творчества.

Материалом исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей по истории и теории житнетворчества конца XIX в.–начала XX вв. (Н. Богомолова, Е. Бычковой, О. Вайнштейн, Д. Йоффе, А. Колесниковой, А. Кулагиной, З. Минц, Е. Обатниной, И. Янишевской), а также исследования, посвященные поэзии и творчеству Э. Багрицкого

(В. Азарова, И. Беспалова, К. Бугаевой, И. Волгина, И. Гринберг, М. Загребельного, С. Коваленко, Н. Кякшто, Е. Любаревой, А. Прохорова, И. Рождественской, М. Спивак, С. Стратановского, А. Якобсона).

Отойдя от традиционного осмысления лирики Багрицкого и рассмотрев ее в контексте жизнетворческого проекта поэта, мы получили возможность пересмотреть устоявшиеся и порой ошибочные представления о роли и месте поэзии Э.Багрицкого в литературе.

В статье анализируется одно из самых важных произведений Эдуарда Багрицкого «Стихи о поэте и романтике», которому принадлежит особое место в творчестве московского периода поэта. Изучение данного стихотворения является необходимым для правильного понимания мировоззрений поэта после переезда в Москву. В этом стихотворении Эдуард Багрицкий показывает перевоплощения романтики наряду с общественными изменениями, которые происходили во время московского периода его творчества. Поэт в очередной раз подтверждает свою верность романтике и готовность служить ей во благо народа.

Переезд поэта в столицу не привел к переменам в его быте и поведенческой стратегии, но принес эмоциональное напряжение и столкновение с новыми реалиями послереволюционной действительности. Багрицкий остается верен утопическим идеалам, обнажает противоречие между идеальным и реальным.

Ключевые слова: лирика, контекст, жизнетворческий проект, поэзия, романтика, поведенческая стратегия.

Summary

A.G. Shevchenko. Lyrics of Moscow period in the context of E. Bagritsky's life creative project

The purpose of our work is to characterize the lyrics of Eduard Bagritsky in the context of his life creative project in the Moscow period of his work.

Works of domestic and foreign researchers on the history and theory of life creativity of the late XIX century–beginning of the twentieth century are the material of the study (N. Bogomolov, E. Bychkova, O. Weinstein, D. Joffe, A. Koleznikova, A. Kulagina, Z. Mints, E. Obatnina, I. Yanishevskaya), as well as studies on the poetry and creativity of E. Bagritsky (V. Azarov, I. Bespalova, K. Bugayeva, I. Volgina, I. Grinberg, M. Zagrebelskiy, S. Kovalenko, N. Kyaksho, E. Lyubareva, A. Prokhorov, I. Rozhdestvenskaya, M. Spivak, S. Stratanovsky, A. Jacobson).

Moving away from the traditional understanding of Bagritsky's poetry and considering it in the context of the poet's life creative project, we were able to review the well-established and sometimes erroneous ideas about the role and place of E. Bagritsky's poetry in literature.

Eduard Bagritsky's piece of work «Poems about poet and romance», which occupies a considerable place in Moscow period of the poet's creative work, is analyzed in the article. Studying of this poem is essential for correct understanding of the poet's contemplation after his moving to Moscow. In this verse Eduard Bagritsky shows transfigurations of romance according to social changes that were taking place during Moscow period of the poet's creative work. The poet confirms once again his loyalty to romance and his readiness to serve it for the sake of people.

The poet's move to the capital did not lead to changes in his life and behavioral strategy, but brought emotional stress and a collision with new realia of post-revolutionary reality. Bagritsky remains faithful to utopian ideals, revealing contradiction between the Ideal and the Real.

Key words: lyrics, context, life creative project, poetry, romance, behavioral strategy.

Інформація про автора

Шевченко Альона Георгіївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри практики англійського усного і писемного мовлення Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, 61168, Україна; <http://orcid.org/0000-0002-9953-1906>